
Александр Варзин

**ЕЩЕ РАЗ О «ЖЕСТОКОМ ТАЛАНТЕ»:
ИЗОБРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ СТРАХА
И КОНЦЕПТ «СТРАХ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО***

... только трагедия изображала ужас настолько же подавляющим своей безмерностью и вместе с тем подлинностью, как умел делать это Достоевский.

И. Анненский

Страх — одна из глубинных человеческих эмоций. С момента появления на свет и до последних дней жизни человек борется со своим страхом, побеждая его, чтобы потом испытать снова и снова... «История человечества от прошлого до настоящего состоит из попыток преодолеть, уменьшить, пересилить или обуздать страх», — утверждал известный немецкий психолог и психотерапевт Фриц Риман¹. Страх многолик. Мы боимся темноты и одиночества, безденежья и природных катастроф. Но за чередованием многообразных страхов (фобий), сменяющих друг друга в жизни отдельного человека и жизни человечества, не исчезает сам феномен страха — феномен, неподвластный смене поколений, эпох и цивилизаций.

Книги Достоевского наполнены катастрофическим по накалу действием, болезненным столкновением идей и амбиций, а

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, Грант Президента Российской Федерации МК-9761.2006.6.

потому состояние страха очень хорошо знакомо многим героям писателя. Между тем в современном достоевковедении сложилась парадоксальная ситуация: существует множество работ о специфике смеха в произведениях этого писателя, но крайне мало сказано о таком важном состоянии, как страх. И это притом, что произведения писателя насыщены ужасами настолько, что это даже послужило в свое время поводом к упрекам в «жестокости таланта»².

Наше исследование — опыт изучения феномена «страх» с опорой на лингвистические методы, связанные с изучением обозначений страха в тексте и выявлением ассоциативных связей.

Ситуация страха идентифицируется в текстах Ф.М. Достоевского по наличию следующих лексем (в скобках указывается количество употреблений лексической единицы по данным «Статистического словаря языка Достоевского» А. Я. Шайкевича, В. М. Андрищенко, Н. А. Ребецкой³): страх (554 случая употребления), страшить (3), страшиться (12), страшно (438), страшнее (17), страшнейший (8), стращать (3); ужас (491), ужасать (13), ужасно (1664), ужаснее (31), ужасный (583), ужасаться (15), ужасающий (12), ужаснуть (7), ужаснуться (27); испуг (304), испуганно (9), испуганный (176), испугать (98), испугаться (331), испужаться (8); боязнь (46), бояться (1622), боязливо (26), боязливый (12); трусить (65), струсить (97), струхнуть (3), трусливо (5). В текстах писателя мы встречаем устойчивые словосочетания **страх Божий** (2) и **Страшный суд** (5), не учтенные в приведенной выше статистике именно в силу устойчивости, а также слово **страшилище** (3) и разговорную форму **ужась** (13), которые, по нашему мнению, не являются однозначными идентификаторами ситуации страха. Особо отметим также тот факт, что слово **страх** может употребляться в произведениях Достоевского в значении «очень, много» (8); эти случаи словоупотребления, находящиеся вне идентификации ситуации **страха**, не учтены в приведенной выше статистике и не принимались нами во внимание при детальном анализе контекстов.

Поисковый запрос, использовавшийся при формировании собрания контекстов из художественных текстов Достоевского для интересующих нас лексических единиц, представлял собой перечень основ словоформ деривационных гнезд «страх», «ужас», «испуг». Наиболее подробно изучались ассоциативные связи слова

страх. Сплошная выборка словоупотреблений осуществлена с помощью программной системы DiaLex отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН. Минимальный контекст для анализа ситуации страха составляют три предложения — по одному слева и справа от того, что содержит указанный идентификатор. Формальные правила включения слов из контекста в ассоциативное поле (АП) выбранного стимула, то есть правила признания таких слов его ассоциатами, заимствованы из статьи Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга «Номо гіденс»⁴. Это прежде всего синтаксическая связь стимула и его потенциального ассоциата, вхождение пары в одну синтагму и статус ее как «модели двух слов». Причем в расчет принимается, как правило, только непосредственная (одношаговая) синтаксическая зависимость, а связь через третье слово не учитывается. Во внимание принимаются синонимические, антонимические и иные семантические отношения между стимулом и «реакцией» (в данном случае — контекстным ассоциатом), отношения, формирующие лексические категории. Помимо формальных приемов построения АП из текста, в этой процедуре работает «интуиция исследователя, которая приходит ему на помощь, когда формальные правила исчерпаны, но остается неудовлетворенность результатами их применения, и “чувство языка” вкупе с пониманием конкретной ситуации — контекста требует расширения круга ассоциатов»⁵.

В самом общем виде фрейм «страх» складывается из трех слотов: а) слот-источник, содержащий указание на повод или причину страха; б) слот-событие, то есть указание на сам процесс и некоторые его характеристики, например, на способ проявления, интенсивность, продолжительность и так далее; в) слот-следствие, то есть указание на то, как отразилось событие страха на самом испугавшемся и на окружающих, какие визуальные, речевые или поведенческие реакции участников последовали за событием (впал в задумчивость, побледнел, заплакал, задрожал). Слот-источник и слот-следствие не всегда бывают представлены в лингвистически ограниченном контексте. Отдельный случай представляет собой такая реализация фрейма, когда текст содержит указание лишь на само событие, и любое расширение контекста не приводит к установлению причины и следствия этого события.

Среди выделенных контекстных ассоциатов особую группу составляют слова и словосочетания, называющие различные ощущения и физиологические реакции, являющиеся проявлением состояния страха: дрожь, холод, плач, моторная активация (рефлекторное отстранение от источника опасности, стремление скрыться от угрозы — убежать, спрятаться) или моторное торможение, бледность, странное выражение лица (расширенные зрачки глаз, особый взгляд, раскрытый рот), экспрессивная голосовая реакция (резкое повышение тона, шепот, бормотание, внезапное умолкание), симптоматика болезненного состояния (предобморочное состояние, бред, тошнота, судороги).

В первую очередь Достоевский выделяет такое проявление страха, как дрожь. В контекстах употребления лексемы страх в художественных произведениях писателя отмечены следующие употребления единиц с семантикой дрожи: «слушала, дрожа всем телом» (2; 171); «бормотал дядя, от страха дрожа всем телом» (3; 59); «прижимался к отцу и весь дрожал» (6; 46); «чуть не дрожа от страху» (6; 182); «начала дрожать в страхе» (6; 242); «дрожит от страха перед ненавистным Порфирием Петровичем» (6; 254); «Полечка, вся дрожа, забила с детьми в угол» (6; 311); «дрожа от сырости, от темноты и от страху» (6; 392); «дрожал от страху, что их [миллионы. — *А.В.*] украдут» (8; 338); «князь так дрожит, что и подняться не может» (8; 505); «дрожала от страху» (10; 501); «дрожит, не смеет пикнуть, обезумел от страху» (14; 221); «вздрогнул от страху» (14; 337); «в страхе сотрясаясь, всех подозревая» (15; 307).

Особо показательны примеры обратной ассоциативной связи в сознании героев, прямо соотносящих дрожь со страхом:

«Ноги его дрожали. “От страху”, — пробормотал он [*Раскольников. — А.В.*] про себя. Голова кружилась и болела от жару» (6; 74);

«— ...Что ты, и встать не можешь? — с боязливым удивлением спросил Рогожин, видя, что князь так дрожит, что и подняться не может.

— Ноги нейдут, — пробормотал князь, — это от страху, это я знаю... Пройдет страх, я и стану...» (8; 505).

Близость симптоматики ощущений страха и холода позволяет ассоциативно соотносить данные состояния. Достоевский развертывает и усиливает стереотипную общеязыковую ассоциацию

«страх — холод», создавая сложные психологические картины всеобъемлющего «леденящего» страха. При этом ассоциативная связь ощущения страха с холодом проявляется и в контекстах употребления слов **ужас** и **испуг**.

«Страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его» (6; 91);

«В эту самую минуту происходило то, что снилось в эти два месяца только по ночам, и леденило его ужасом, сжигало стыдом» (8; 90);

«Думая об этом постоянном испуге моем, я быстро леденел от нового ужаса» (8; 337).

Ср.: «как будто мороз прошел по спине его» (6; 52), «холодея от ужаса» (6, 190), «леденя от ужаса» (6; 253), «прежнее, знакомое ощущение оледенило вдруг его душу» (6; 315), «струсил и примолк, чуть не похолодев от испуга» (8; 125, 319), «вздрогнула и сначала как бы с испугом, а потом с подавляющим горьким ощущением рассматривала его» (8; 83), «все еще не унимавшаяся в нем дрожь от испуга» (8; 321).

Пассивно-детским проявлением страха выступает в произведениях писателя **плач**:

«Пуще всего выводили ее из себя плач и страх Коли и Лени» (6; 328);

«Наконец пробило одиннадцать, и он твердо и окончательно решил, что если через десять минут “проклятая” Агафья не воротится, то он уйдет со двора, ее не дождавшись, разумеется, взяв с “пузырей” слово, что они без него не струсят, не нашалят и не будут от страха плакать» (14; 468).

Ср. с размышлениями князя Мышкина о плаче от страха матерого преступника, идущего на казнь:

«Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в летах, Легро по фамилии. Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте, на эшафот всходил — плакал, белый, как бумага. Разве это возможно? Разве не ужас? Ну кто же со страху плачет? Я и не думал, чтоб от страху можно было заплакать не ребенку, человеку, который никогда не плакал, человеку в сорок пять лет. Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят?» (8; 20).

Плач Легро — проявление ощущения полного бессилия что-либо изменить, приводящего к всевластию страха над человеческой душой.

Глаголы убежать, сбежать, скрыться, броситься, встречающиеся в контекстах употребления единиц деривационных гнезд «страх», «ужас» и «испуг», указывают на такую реакцию, как моторная активация (или стремление к ней):

«Страх охватывал его все больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства. Ему хотелось поскорее убежать отсюда» (6; 65);

«Когда же она сделала было движение убежать от страху, — в нем что-то как бы перевернулось» (6; 182);

«...девочка разбила мамашину чашку и <...> до того испугалась, что сбежала еще с вечера» (6; 392);

«Тут уж в последней степени ужаса Марфа Игнатьевна бросилась от окна, выбежала из сада, отворила воротный запор и побежала сломя голову на зады к соседке Марье Кондратьевне» (14; 409).

Ситуативно близким выступает указание на рефлекторное отстранение от источника опасности:

«— Куда идти? — в страхе спросила она [Соня. — *А.В.*] и невольно отступила назад» (6; 252);

«Прочие же, кроме него [обдорского гостя. — *А.В.*], только что с шумом отворилась настежь дверь, напротив, потеснились еще более назад от внезапного страха» (14; 302).

Глаголы прятаться, спрятаться, скрываться, прижаться, забиться встречаются в контекстах, где герой в страхе пытается обрести безопасное пространство, скрыться от угрозы. В дискурсе Достоевского подобные контексты своеобразно маркируются употреблением лексических единиц с семантикой замкнутого пространства — таких, как **угол**, **шкаф**, **сундук**:

«На повороте с Литейной на Невский проспект он вздрогнул от одного самого неприятного ощущения и, сморщась, как бедняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхом прижался в самый темный уголок своего экипажа» (1; 112);

«Девочка говорила не умолкая; кое-как можно было угадать из всех этих рассказов, что это нелюбимый ребенок, которого мать, какая-нибудь вечно пьяная кухарка, вероятно из здешней же гостиницы, заколотила и запугала; что девочка разбила мамашину чашку и что до того испугалась, что сбежала еще с вечера; долго, вероятно, скрывалась где-нибудь на дворе, под дождем, наконец

пробралась сюда, спряталась за шкафом и просидела здесь в углу всю ночь, плача, дрожа от сырости, от темноты и от страха, что ее теперь больно за все это прибьют» (6; 392);

«Полечка в страхе забилась с детьми в угол на сундук, где, обняв обоих маленьких, вся дрожа, стала ожидать прихода матери» (6; 311).

Еще одна группа лексических единиц, отмеченных в контекстах описания ситуации страха, — слова и словесные обороты с семантикой бездействия. Эти ассоциаты указывают на противоположное стремлению скрыться от опасности физическое оцепенение, боязнь пошевелиться или даже своеобразный паралич сил и воли, наступающий в минуты всепоглощающего страха.

«Когда он дошел до квартиры Капернауова, то почувствовал в себе внезапное обессиление и страх» (6; 312);

«Ганя оцепенел от испуга» (8; 87);

«Евгений Павлович стоял на ступеньках лестницы как пораженный громом. Лизавета Прокофьевна тоже стала на месте, но не в ужасе и оцепенении, как Евгений Павлович...» (8; 251).

Проявление состояния страха во внешнем облике человека называют слова и словосочетания, указывающие на бледность, странное выражение лица — расширенные глаза, особый взгляд, раскрытый рот:

«...в бледной, все также кривившейся от страха улыбке» (8; 321);

«Он хоть и очнулся, но она все еще дрожала от страху и бледная смотрела на исказившееся его лицо: тут только в первый раз догадалась она о размерах его болезни» (10; 501);

«Страх был в ее взгляде» (10; 260);

«Испуганными, расширенными от страха зрачками глаз впиалась она в него неподвижно» (14; 357);

«Петр Ильич, кажется, нарочно поскорей прогнал Мишу, потому что тот как стал пред гостем, выпуча глаза на его кровавое лицо и окровавленные руки с пучком денег в дрожащих пальцах, так и стоял, разиня рот от удивления и страха, и, вероятно, мало понял изо всего того, что ему наказывал Митя» (14; 360).

Ряд ассоциатов указывает на такое проявление страха, как экспрессивная голосовая реакция (резкое повышение тона, шепот, бормотание, внезапное умолкание, оханье): «крикнул князь в настоящем испуге» (8; 234), «воскликнула в испуге» (8; 460), «в

испуге вскричал» (8; 484), «говорил он испуганным шепотом» (8; 382), «пробормотала в испуге» (8; 283), «струсил и примолк, чуть не похолодев от испуга» (8; 125); «охая от страха» (10; 255).

Наконец, в контекстах описания состояния страха встречаются единицы, прямо называющие симптоматику **болезненного состояния**: «от страха чуть было в обморок не упала» (1; 97), «ни полоумного бреда, ни панического страху» (6; 120); ср.: «наяву стошнило и в ужас бросило» (6; 50); «ужас до судорог» (8; 20); «в страшном испуге, почти в припадке» (6; 24).

В текстах Ф.М. Достоевского находим, таким образом, немалое количество подробнейших описаний состояния страха. Писатель мастерски передает тончайшие нюансы этого состояния, вплоть до сопутствующих страху физиологических реакций. Сразу заметим, однако, что Достоевский никогда не опускается до грубого натурализма. Предмет его внимания — психология человека, испытывающего страх. В воссоздании этой психологии Достоевский достигает невиданных высот, снова и снова заставляя читателя испытывать настоящее эмоциональное потрясение. Сила этого потрясения определяется «горючей смесью» мастерства подлинного художника слова с трагическим жизненным опытом писателя. Достоевский не пугает «страшилками», но погружает нас в потаенные миры души человеческой, ведающей настоящий, глубинный страх.

Выражению психологических нюансов состояния страха на языковом уровне служит подчеркивание нюансов смысловых, зачастую скрытых за стереотипным приложением слова к реалии и активизируемых различными языковыми средствами. Так, писатель прибегает к **контекстуальному противопоставлению синонимов** или смежных по понятийному объему слов, не являющихся собственно синонимами.

«И если бы в ту минуту он в состоянии был правильнее видеть и рассуждать; если бы только мог сообразить все трудности своего положения, все отчаяние, все безобразие и всю нелепость его, понять при этом, сколько затруднений, а может быть, и злодейств еще остается ему преодолеть и совершить, чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень может быть, что он бросил бы все и тотчас пошел бы сам на себя объявить, и не от страху даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал» (6; 65);

«Конечно, тяжела минута перед наказанием, тяжела до того, что, может быть, я грешу, называя этот страх малодушием и трусостью» (4; 145).

Элемент языковой игры содержит оксюморон «не без страха за смелость предположения», встречающийся в романе «Бесы»:

«Мы со Степаном Трофимовичем, не без страха за смелость предположения, но обоюдно ободряя друг друга, остановились наконец на одной мысли: мы решили, что виновником разошедшихся слухов мог быть один только Петр Степанович...» (10; 167).

А пример использования приема **коррекции** в романе «Идиот» несет явно ироническое наполнение:

«Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусоват или, лучше сказать, в высшей степени консервативен» (8; 38).

Специфика дискурса Достоевского заключается в том, что писателя интересуют в первую очередь предельные состояния страха, и слово испуг регулярно сочетается с такими определениями, как **ужасный, страшный, сильный**. Это может элиминировать различия в контекстуальной (ситуативной) семантике слов испуг и ужас. Сказанное не означает, однако, что в произведениях Достоевского мы встречаем одни лишь описания «предельного» страха. Писатель активно использует другие выразительные возможности. Прежде всего это ассоциативная соотнесенность со словом **страх** лексем, идентифицирующих принципиально разные психологические состояния. Тем самым задается целая гамма типов страха.

Смушение, робость: «смушение и страх все более и более овладевали пьяницей» (6; 21); «смущен же [отец Паисий] не был, а ожидал всего, что еще могло произойти, без страха» (14; 302); «Соня села, чуть не дрожа от страху, и робко взглянула на обеих дам. Видно было, что она и сама не понимала, как могла она сесть с ними рядом. Сообразив это, она до того испугалась, что вдруг опять встала и в совершенном смущении обратилась к Раскольникову» (6; 182). **Почтение, благоговение, уважение, деликатность:** «впечатление почтения и чуть ли даже не страху» (8; 134); «кроме благоговения и страху, ничего не могла ощущать в его присутствии» (8; 443); «почитала законного мужа во страху и трепете и благоговении» (13; 292); «примешивая к уважению надлежащий страх» (2; 213); «замирая от страху и деликатности» (14; 464). **Неприят-**

нейшее впечатление: «неприятнейшее впечатление и даже страх» (6; 21). **Волнение, беспокойство, трепет:** «...ждала с таким волнением и страхом» (14; 329); «в страхе и беспокойстве» (14; 28); «беспокоило до страха и трепета» (6; 167); «трепеща и умирая от страха» (14; 462), [Феня:] «сама в страхе-трепете» (14; 313). **Сомнение:** [Смердяков:] «в страхе был и сумлении» (15; 44). **Раскаяние, укоры совести, стыд:** «в страхе и с раскаянием» (14; 464); «чуть не умерла за меня от страха и укоров совести» (2; 287); «не стыд, не скандал, не страх» (8; 434). **Удивление, изумление, недоумение:** смотрел «с глубоким удивлением и с тупым бессмысленным страхом» (6; 95), «с глубоким изумлением и страхом» (8; 135); «на лице ее изобразилось как будто недоумение, как будто даже страх» (5; 174), «смотрела не то что в страхе, а в каком-то диком недоумении» (6; 382). **Тоска:** «с беспокойным тоскливым чувством, даже со страхом» (1; 139); «тоска не тоска, страх не страх... лихорадочный трепет пробежал по жилам его» (1; 140). **Гадливость, отвращение:** «гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетного, чуть не мистического страха» (4; 155); «наслаждается этим страхом, любит самое отвращение, которое возбуждает в других» (4; 88). **Тревога:** «им овладевала болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх» (6; 335). **Мучение, страдание:** «мучиться от страха» (8; 269), «очень страдал от страху» (10; 479). **Болезнь:** «пугали разными страхами до болезни, до истерики» (5, 88). **Безумие, сумасшествие:** «дрожит, не смеет пикнуть, обезумел от страха» (14; 221); «почти обезумел от страху, что умрет его мальчику» (14; 485). **Ощущение опасности, угрозы:** «выставил грубый страх и угрозу собственной шкуре» (10; 44); «эти легендарные господа способны были ощущать, и даже, может быть, в сильной степени, чувство страха, — иначе были бы гораздо спокойнее и ощущение опасности не обратили бы в потребность своей природы» (10; 165).

Парадоксальность языкового мышления Достоевского тесно соединяется с парадоксальностью состояний, испытываемых его героями. Особое внимание Достоевский уделяет всевозможным переходным состояниям. Так, нередко констатируется состояние «пред-страха» или «кажущегося страха», что в тексте часто передается с помощью единиц «кажимости», модальных операторов (А.Н. Баранов, И.Г. Добровольский), ограничивающих ответственность говорящего за сообщаемое: «На лице его изобразилось как

будто недоумение, как будто даже страх» (5; 174); «Дрожала от волнения и как будто от страха» (1; 272). Ср. также: «чуть не с ужасом смотря» (8; 239); «боксер был чуть не в испуге» (8; 232).

Совершенно особый интерес у писателя вызывают сложные душевные состояния, когда, говоря словами Мити Карамазова, «все берега сходятся, все противоречия вместе живут» (14; 100). В общих контекстах со словом страх присутствуют лексические единицы тематических рядов гнева, радости и наслаждения. Первые идентифицируют состояние смешанной со страхом бессильной ярости («злились, но тряслись от страху» (10; 421)), сложную смену настроений («впадал в бешенство или в ужасный, невыносимый страх» (6; 92)), наконец, те сверхсложные состояния, мастерское изображение которых было, пожалуй, одной из причин, побудивших критика Н.К. Михайловского обвинять Достоевского в «жестокости таланта» (ср.: «в каком-то опьянении от ярости и от страху» (9; 15); «в испуге, смешанном с чрезвычайным негодованием» (10; 238)).

Ассоциирование слова страх с лексемами радость и восторг — свидетельство тонкого понимания Достоевским моментов сложного соединения эмоций в минуты высокого душевного подъема:

«...в припадке страха и радости и какого-то особенного безотчетного чувства» (2; 233);

«...был в одно и тоже время в чрезвычайном страхе и, мгновениями, в непонятном ему самому и захватывающем душу восторге» (8; 275).

Присутствие в контекстах описания состояния страха единиц тематического ряда наслаждения может служить идентификатором изображения в большей или меньшей степени выраженных садомазохистских наклонностей героев:

«Совсем остервеняясь, он ударил в другой и в третий раз, и в каком-то опьянении от ярости и от страху, дошедшем до помешательства, но заключавшем в себе бесконечное наслаждение, он уже не считал своих ударов, но бил не останавливаясь» (9; 15);

«Один убил по бродяжеству, осаждаемый целым полком сыщиков, защищая свою свободу, жизнь, нередко умирая от голодной смерти; а другой режет маленьких детей из удовольствия резать, чувствовать на своих руках их теплую кровь, насладиться их страхом, их последним голубиным трепетом под самым ножом» (4; 43);

«Чем забитее был он прежде, тем сильнее подмывает его теперь пощеголять, задать страху. Он наслаждается этим страхом, любит самое отвращение, которое возбуждает в других» (4; 88).

Ср. также: «лучше любит держать человека или даму в непрерывном страхе, чем поразить окончательно» (2; 296), «страхом моим насладиться» (14; 360), «злорадное наслаждение ее испугом» (10; 215).

Однако само по себе ассоциирование страха с наслаждением может и не нести садистских смыслов. Подобное наблюдаем, например, в следующем предложении из романа «Братья Карамазовы»: «Дети рассматривали порох с благоговейным страхом, еще более усиливающим наслаждение» (14; 468).

Глубина психологического проникновения Достоевского определяется во многом тонким пониманием различий между разными видами страха.

Многоликость страха в произведениях писателя подчеркивают определения, прилагаемые к этому слову. Ф.М. Достоевский различает тупой (6; 67; 6; 95), бессмысленный (6; 95), невольный (1; 266; 4; 152), покорный (3; 314), надлежащий (2; 213), наивный (3; 314), благоговейный (14; 468), особенный (6; 278), неопределенный (6; 278), безотчетный (2; 252; 2; 81; 10; 147; 13; 196), мистический (4; 155; 10; 472), неведомый (2; 183), неотразимый (4; 152), острый (4; 152), чисто физический (4; 152), внезапный (6; 312; 14; 302), суеверный (4; 155, 156; 157), покорный (3; 212), смертный (14; 128), безумный (9; 41; 9; 41; 13; 432), дурной (11; 10), настоящий (11; 16), малодушный (11; 29), грубый (10; 421), духовный (14; 86), детский (1; 268), необыкновенный (2; 396), страх; страхи напущенные (6; 25), напускные страхи (6; 147).

Нетрудно заметить, что определения эти характеризуют страх очень разносторонне, в отнесении к таким дихотомиям, как реальное / ирреальное, смысл / бессмыслица, сознание / бессознательное, внешнее / внутреннее, норма / аномалия.

Особую группу составляют определения, подчеркивающие временные параметры страха: отнесенность к определенному периоду (давешний (6; 4), прежний (6; 35; 14; 316)), протяженность (беспрерывный (2; 296), ежеминутный (2; 273), постоянный (3; 388; 13; 384) и последовательность в ряду событий (первый (1; 261), внезапный (14; 302; 6; 312), зарождавшийся при всякой мечте о женщине (14; 316)).

Заметим также, что ассоциатами детально прописываются количественные характеристики страха: **не имея за себя никакого страха** (5; 79), **без малейшего страха** (14; 450), **не без некоторого страху** (14; 451), **с некоторым страхом** (5; 7; 8; 186; 14; 302), **сильный страх** (11; 17), **в большом страхе** (8; 495; 10; 503), **к еще большему страху** (10; 503), **великого страха** (14; 121), **великие страхи** (10; 208). Ср. также: **весь свой страх забыла** (6; 377), **чрезмерный страх** (6; 237), **с чрезвычайным страхом** (8; 404), **панический страх** (6; 120; 6; 337; 6; 338), **ужасный** (6; 92; 11; 17; 5; 173), **ужаснейший страх** (8; 379; 2; 68; 13; 361; 8; 492), **пришла немного в страхе** (11; 17), **страх возрастал вдвое** (5; 295); **Маге дошла до последней степени страха за свою жизнь** (10; 451).

Состояние постепенно нарастающего страха детально передается в главе «У Тихона» из романа «Бесы»:

«...это была минута настоящего страха, хоть и не очень еще сильного. Я был очень весел в то утро и ужасно ко всем добр, и вся ватага была мною очень довольна. Но я бросил их всех и пошел в Гороховую. <...> К вечеру я опять почувствовал страх, но уже несравненно сильнее.<...> Я никогда не чувствовал страху и, кроме этого случая в моей жизни, ни прежде, ни после ничего не боялся. <...> Но в этот раз я был испуган и действительно чувствовал страх, не знаю почему, в первый раз в жизни, — ощущение очень мучительное. <...> ... меня взяло неизъяснимое бешенство, затем последовал озноб; когда же под утро стал наступать жар, меня опять одолел страх, но уже такой сильный, что я никакого мучения не знал сильнее» (11; 16—17).

Отмечая характерную для Достоевского детализацию атрибутов страха, еще раз подчеркнем принципиальное многообразие состояний, соотносимых со словом **страх** в текстах писателя. Причем представление специфики конкретного страха может задаваться и как будто вскользь оброненным словосочетанием (ср.: «с покорным страхом отказа» (3; 212), «наивный страх» (3; 314)), и повторением явно важных для писателя определений («с тупым страхом» (6; 67), «с тупым бессмысленным страхом» (6; 94)).

Среди этих определений особое место принадлежит определению **детский**. «**Детский страх**» («детский испуг») — специфическое для ряда героев Ф.М. Достоевского состояние. Идентификатором его описания в контексте является само определение **детский**, слова **ребенок**, **дети**, **плач**, **плакать** (**заплакать**), а также

особый жест защиты, который нередко подробно описывается в контексте. «Детский страх» — это не обязательно страх ребенка. В выделении этого вида для Достоевского важна особая беззащитность того, кто такой страх испытывает, как раз и находящая выражение в инстинктивном, но бессмысленном с точки зрения реальной защиты жесте.

«И как только он сказал это, опять одно прежнее, знакомое ощущение оледенило вдруг его душу: он смотрел на нее и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы. Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испутом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и беспокойно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать. Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испутом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, все более и более от него отстраняясь, и все неподвижнее становился ее взгляд на него. Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же детскою улыбкой» (6; 315).

«Может быть, этот взгляд был излишне суров, может быть, в нем выразилось отвращение, даже злорадное наслаждение ее испугом — если только не померещилось так со сна Марье Тимофеевне; но только вдруг, после минутного почти възжидания, в лице бедной женщины выразился совершенный ужас; по нем пробежали судороги, она подняла, сотрясая их, руки и вдруг заплакала, точь-в-точь как испугавшийся ребенок; еще мгновение, и она бы закричала. Но гость опомнился; в один миг изменилось его лицо, и он подошел к столу с самою приветливою и ласковою улыбкой.

— Виноват, напугал я вас, Марья Тимофеевна, нечаянным приходом, со сна, — проговорил он, протягивая ей руку» (10; 215).

Определение детский не указывает и на малую степень этого страха. В контекстах описания такого состояния очень часто соседствуют слова страх, испуг и ужас, заменяющие друг друга как синонимы или обозначающие разные, но одновременно переживаемые состояния:

«На губах ее мелькала улыбка; но в лице заметны были следы какого-то детского страха и таинственного ужаса. Она робко прижималась к старику, и видно было, что она вся дрожала от волнения» (1; 268).

Делая страх предметом рефлексии, Достоевский фактически разграничивает различные типы страха по причинам, это состояние вызывающим:

- 1) страх перед жизнью и страх, обусловленный определенной жизненной (житейской) причиной;
- 2) страх смерти («смертный страх»);
- 3) «беспричинный», «суеверный», «мистический» страх;
- 4) духовный страх (страх Божий).

1. Первый тип страха — экзистенциальный (т.е. связанный с самим существованием в мире, с принятием жизненных решений, с появлением нового) и даже «житейский», со множеством конкретных причин (страх перед; страх кого- или чего-либо; страх, что... и т. п.): «не из страху же перед участью с Рогожиным?» (8; 490); «разрушить в душе ее этот постоянный страх передо мной» (13; 384); «из страху перед капитаном» (14; 334); «под страхом отцовского проклятия» (8; 395); «страх встречи с кредиторшей» (6; 6), «страх ареста» (15; 145); «в страхе, чтоб он не ушел от нее» (10; 13); «от страху, что Кармазинов забудет ей сделать визит» (10; 72).

2. Страху перед жизнью (от которого, как заметил И. Анненский, умер герой рассказа «Господин Прохарчин»⁶) противостоит «смертный страх» — словосочетание, которое в текстах Достоевского имеет значение не просто предельного по силе эмоционального потрясения, но именно страха смерти или, по крайней мере, смертельной опасности: «Иногда этак человек вытерпит полчаса смертного страху с разбойником, а как приложат ему нож к горлу окончательно, так тут даже и страх пройдет» (6; 342).

«Грубый страх», причина которого — «угроза собственной шкуре» (10; 421), — далекое от эстетики состояние. Достоевский не романтизирует его, давая описания, которые, как отмечалось выше, не лишены даже физиологических подробностей, — описания, принадлежащие человеку, который сам перенес многое из того, о чем пишет: «В низу лесенки он был очень бледен, а как поднялся и стал на эшафот, стал вдруг белый как бумага, совершенно как белая писчая бумага. Наверно, у него ноги слабели и

деревенели, и тошнота была, — как будто что его давит в горле, и от этого точно шекотно, — чувствовали вы это когда-нибудь в испуге или в очень страшные минуты, когда и весь рассудок остается, но никакой уже власти не имеет? Мне кажется, если, например, неминуемая гибель, дом на вас валится, то тут вдруг ужасно хочется сесть и закрыть глаза и ждать — будь что будет!..» (8; 56).

3. Целый ряд определений, прилагаемых к слову **страх** в текстах Достоевского, подчеркивает принципиальную невозможность исчерпывающего объяснения вызывающих состояние **страха** причин: «напал какой-то страх» (1; 45); «какой-то безотчетный страх» (2; 252); «судя по страху, может быть, безотчетному, с которым я вспоминал...» (13; 296); «начала дрожать от неведомого страха» (2; 183); «гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетного, чуть не мистического страха» (4; 155); «находит на осужденного какой-то острый, но чисто физический страх, невольный и неотразимый, подавляющий все нравственное существо человека» (4; 152); «пугали каким-то особенным страхом, совершенно, впрочем, неопределенным» (6; 278); «пугало иногда ее... самым неопределенным страхом» (8; 274); «суеверный страх везде встречает и провожает его» (4; 156); «потрясающее впечатление страха, почти мистического, вдруг овладевшего нашим начальством и упорно дотоле легкомысленным обществом» (10; 472).

Ср. также с выражением идеи таинственности природы страха в высказываниях:

«Добровольный палач, конечно, во всех отношениях ниже подневольного, которым, однако, так гнушается народ, гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетного, чуть не мистического страха. Откуда же этот почти суеверный страх к одному палачу и такое равнодушие, чуть не одобрение к другому?» (4; 155);

«...на многих же вид человека в падучей производит решительный и невыносимый ужас, имеющий в себе даже нечто мистическое» (8; 195).

Страх в дискурсе Достоевского предстает, таким образом, состоянием во многом загадочным и неопределенным (что, заметим, вполне укладывается в общую концепцию человека, выразившуюся в творчестве писателя). **Необъяснимый, неведомый, безотчетный, невольный, суеверный** и даже **мистический** страх пугает именно своей необъяснимостью:

«Для других бы ничего не случилось, наверно. Но тем-то и отличалась Лизавета Прокофьевна, что в комбинации и в путанице самых обыкновенных вещей, сквозь присущее ей всегда беспокойство, — она успевала всегда разглядеть что-то такое, что пугало ее иногда до болезни, самым мнительным, самым необъяснимым страхом, а стало быть, и самым тяжелым» (8; 274).

«Но не красота ее мучила его, а что-то другое. Вот именно эта необъяснимость страха и усиливала в нем теперь этот страх» (14; 94).

Ср. также: «Это [мистический ужас] — самая тяжелая, мучительная боязнь чего-то, чего я сам определить не могу, чего-то непостижимого и непостижимого в порядке вещей, но что непременно, может быть сию же минуту, осуществится. Как бы в насмешку всем доводам разума придет ко мне и станет предо мною как неотразимый факт, ужасный, безобразный и неумолимый» (3; 208).

Говоря философским языком, человека страшит Ничто. Логика Достоевского оказывается здесь во многом близкой логике философов Кьеркегора и Хайдеггера, строго разграничивших концептуальное содержание слов Furcht (боязнь, испуг) и Angst (ужас). Достоевский, как отмечалось выше, столь последовательного разграничения не проводит, однако вне зависимости от своего современника Кьеркегора, работ которого он не знал, акцентирует читательское внимание на важности взаимосвязи концепта **страх** с семантикой **неизвестного**, превосходящего человеческое понимание.

4. Следующий тип страха — «страх Божий». Страх Божий есть важнейшая христианская добродетель. По определению «Библейской энциклопедии», это «такое благоговение к беспредельной святости Божией и такое опасение оскорбить Господа нарушением Его святой воли, что невольно развивает в христианине особенную бдительность, смирение и непрестанную молитву»⁷.

Удивительно, но в произведениях такого крупного христианского писателя, каковым по всеобщему признанию является Ф.М. Достоевский, само словосочетание «страх Божий» встречается лишь дважды, и притом в контекстах, которые сложно назвать мировоззренчески значимыми для автора:

«Всю семью [Липутин. — А.В.] держал в страхе Божиим и **ваперти**, был чрезмерно скуп и службой скопил себе домик и капитал» (10; 26—27);

«Так после этого и жить себе смиренно нельзя, в уголочке своем, — каков уж он там ни есть, — жить водой не замуля, по половице, никого не трогая, зная страх Божий да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и в твою конуру не пробрались да не подсмотрели — что, дескать, как ты себе там по-домашнему, что вот есть ли, например, у тебя жилетка хорошая, водится ли у тебя что следует из нижнего платья; есть ли сапоги, да и чем подбиты они; что ешь, что пьешь, что переписываешь?..» (1; 62).

Сам по себе этот факт еще не означает, конечно, абсолютной неважности данного понятия для мировосприятия писателя, но отчасти разъясняет истоки обвинений Достоевского в «розовом Христианстве». Например, со стороны К.Н. Леонтьева: «Во всех катехизисах, правда, говорится о любви к людям. Но во всех же катехизисах и в подобных им книгах мы найдем также, что *начало премудрости* (т. е. религиозной и истекающей из нее житейской премудрости) — есть страх Божий, простой, *очень простой страх* и загробной муки, и других наказаний, в форме земных испытаний, горестей и бед. Отчего же г. Достоевский не говорит *прямо* об этом *страхе*? — полемически вопрошал К.Н. Леонтьев. — Не потому ли, что *идея любви привлекательнее?*»⁸.

И все же мы не случайно отдельно выделили данный вид страха. «Меня Бог всю жизнь мучил», — признается герой романа «Бесы» Кириллов (10; 94). И эти мучения очень хорошо знакомы многим героям писателя, хотя страх Божий в произведениях Достоевского — это очень часто нечто отличное от благочестивого страха христианина. Впрочем, и описание такового мы в текстах писателя тоже находим, пусть и в общем контексте проповеди «деятельной любви», на которую столь яростно обрушивался неистовый оппонент Достоевского:

«Ибо в каждый час и каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Господом — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умирительно душе его, ставшей в страхе пред Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молещик, что осталось на земле человеческое существо, и его лю-

бящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уже ты столь пожалел его, то кольми паче пожалеет Он, бесконечно более милосердый и любовный, чем ты. И простит его тебя ради» (14; 289);

«...А видишь ли солнце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смею глядеть... — прошептал Алеша.

— Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...» (14; 327).

Страх героев Достоевского — это зачастую муки воинствующих грешников и атеистов, а потому и идентифицируется в тексте он по-другому, нежели **страх Божий**. Это не состояние опасющихся нарушить святую волю Божью, но ужас тех, кто уже преступил законы Божеские и человеческие и болезненно переживает это нарушение, зачастую даже не до конца осознавая или отказываясь осознавать причины такого состояния, воспринимая его как житейский страх. Отсюда — и номинации этих переживаний. При описании преступления Раскольникова страху за себя противопоставляются ужас и отвращение к тому, что он сделал (6; 65). А то состояние, которое временами испытывает Федор Павлович Карамазов, в тексте романа «Братья Карамазовы» называется «**духовный страх и нравственное сотрясение**»:

«Это были почти болезненные случаи: развратнейший и в сладострастии своем часто жестокий, как злое насекомое, Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение, почти, так сказать, даже физически отзывавшееся в душе его. “Душа у меня точно в горле трепещется в эти разы”, — говаривал он иногда» (14; 87).

Даже далекая от воинствующего безбожия мадам Хохлакова из романа «Братья Карамазовы», ссылаясь на чужое мнение, соотносит понятие веры (а соответственно, и **страха Божия**) со **страхом пред грозными явлениями природы**:

«Видите, я закрываю глаза и думаю, если все веруют, то откуда взялось это? А тут уверяют, что все это взялось сначала от страха пред грозными явлениями природы и что всего этого нет. Ну что, думаю, я всю жизнь верила — умру, и вдруг ничего нет, и только

“вырастет лопух на могиле”, как прочитала я у одного писателя. Это ужасно!» (14; 52).

Феномен страха в дискурсе Достоевского становится предметом философского осмысления. Так, в речи героя «Бесов» Кириллова наблюдается сложная идеологическая трансформация выделенной выше типологии в рамках единой теории страха. Ассоциатами к слову **страх** выступают, в частности, такие единицы, как **жизнь, боль, смерть, Бог, несчастен, проклятие, обман**. Само понятие **Бог** атеистически трактуется как «**боль страха смерти**», и все бытие человека ассоциируется со страхом, который делает человека несчастным и который нужно преодолеть:

«Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь все боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет. А тот Бог не будет» (10; 93).

Парадоксальным образом с атеистом Кирилловым переключается старец Зосима, призывающий «убегать страха» (в данном случае уже только житейского) и ассоциирующий **страх** с **ложью**: «Страха тоже убегайте, хотя страх есть лишь последствие всякой лжи» (14; 54). Странник Макар Долгорукий усматривает в страхе пред тайной бытия «веселие сердца»: «А что тайна, то оно тем даже и лучше; страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: “Все в Тебе, Господи, и я сам в Тебе и прими меня!” Не ропщи, вьюнош: тем еще прекрасней оно, что тайна» (13; 290). И совсем иначе подходит к проблеме Раскольников: «...все — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..» (6; 25).

Приведенных цитат оказывается достаточно для того, чтобы увидеть устойчиво повторяющиеся в текстах Достоевского философски значимые ассоциативные связи лексемы **страх**, сводимые в конечном счете к следующим тематическим рядам:

- 1) **вера — Бог — грозные явления природы — тайна;**
- 2) **ложь — обман — предрассудки — страхи напущенные;**
- 3) **боль — несчастие — проклятие;**
- 4) **преграды — убегать — осмелиться — переступить — победить.**

Страх, таким образом, осмысливается героями писателя как начало, сдерживающее человека в его своеволии. И главной причиной существования этого сдерживающего начала признается рационально неразрешимый вопрос о бытии Божиим и бессмертии человеческой души. Человек не может избавиться от тяготеющего над ним мистического ужаса. Устранение всех преград для дерзновения воли личности видится опасным и в то же время опьяняюще заманчивым, ибо может дать ощущение безграничной свободы.

Глубокое смысловое наполнение приобретают образы, передающие философское представление феномена страха в сознании Достоевского и его героев, — образ висящего над человеком огромного камня, рисуемый Кирилловым в качестве метафорического представления страха перед смертью, и образ человека над бездной, получающий в текстах Достоевского различную интерпретацию.

Соотнося страх смерти со страхом перед висящим над головой огромным камнем, Кириллов раскрывает иллюзорность представлений о смерти, в частности нелепость ожидания связанной со смертью боли:

«— Представьте, — остановился он предо мною, — представьте камень такой величины, как с большой дом; он висит, а вы под ним; если он упадет на вас, на голову — будет вам больно?»

— Камень с дом? Конечно, страшно.

— Я не просто страх; будет больно?

— Камень с гору, миллион пудов? Разумеется, ничего не больно.

— А станьте вправду, и пока висит, вы будете очень бояться, что больно» (10; 93).

Образ притягивающей бездны является одним из важнейших у Достоевского. Вспомним хотя бы знаменитое размышление прокурора о натуре Мити Карамазова, способного разом созерцать «обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения» (15; 129). Образ этот не является «изобретением» писателя. Продуцируя его, Достоевский мог опираться на уже имевшиеся литературную и философскую традиции. «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю», — писал Пушкин в драматической сцене «Пир во время чумы». А знаменитый философ Фридрих Вильгельм Шеллинг, идеями которого переболело не одно поколение русских⁹, уподоб-

лял грехопадение бессознательному желанию броситься вниз, возникающему у стоящего на высокой вершине¹⁰. Вспомним евангельский сюжет об одном из искушений Христа¹¹, который философски интерпретирует Великий инквизитор в знаменитой «поэме» Ивана Карамазова.

В контекстах употребления единиц, номинирующих состояние страха в текстах Достоевского, образ маящей бездны встречается дважды. В повести «Двойнию» этот образ раскрывает губительную безысходность положения героя, отчаявшегося в борьбе с экзистенциальным страхом:

«Положение его [господина Голядкина. — *А.В.*] в это мгновение походило на положение человека, стоящего над страшной стремниной, когда земля под ним обрывается, уж покачнулась, уж двинулась, последний раз колыхнется, падает, увлекает его в бездну, а между тем у несчастного нет ни силы, ни твердости духа отскочить назад, отвести свои глаза от зияющей пропасти; бездна тянет его, и он прыгает, наконец, в нее сам, сам ускоряя минуту своей же гибели» (1; 142).

В «Записках из Мертвого дома» автор рассуждает о странностях психологии человека, долго терпевшего притеснения и «высочившего из мерки» после совершения преступления. Желанию «броситься вниз головою» уподобляется «замирание сердца от ужаса к самому себе» у преступника, начинающего резать «первого встречного и поперечного» безо всякой причины:

«Точно опьянеет человек, точно в горячечном бреде. Точно, перескочив раз через заветную для него черту, он уже начинает любоваться на то, что нет для него больше ничего святого; точно подмывает его перескочить разом через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой, насладиться этим замиранием сердца от ужаса, которого невозможно, чтоб он сам к себе не чувствовал. Знает он к тому же, что ждет его страшная казнь. Все это может быть похоже на то ощущение, когда человек с высокой башни тянется в глубину, которая под ногами, так что уж сам наконец рад бы броситься вниз головою: поскорей, да дело с концом!» (4; 87—88).

Страх, по мысли Достоевского, настолько глубоко укоренился в человеческой природе, что полное избавление от него должно привести к «физическому перерождению» человека. Особо отметим тяготеющие к афоризмам изречения, в которых утверждается

несовместимость с сильным страхом злобы, ненависти и чувства мщения: «Страх к врагу уничтожает и злобу к нему» (10; 167), «сильный страх совершенно прогоняет ненависть и чувство мщения» (11; 17). Однако локальная победа над страхом возможна, поскольку есть чувства, переживание которых может оказаться сильнее страха. Преодоление и «вырождение» страха проявляется как упоение победой (10; 165), восторг (24; 27), соблазн (2; 232), апатия (6; 335), «странное спокойствие» (6; 120), «несоразмерно большее страдание» (6; 376).

Детальные, скрупулезные описания ситуаций страха, психологически тонкое выделение признаков этого состояния углубляются и дополняются в дискурсе Ф.М. Достоевского философскими трактовками одного из важнейших для этого писателя концептов — трактовками, отсылающими нас к взглядам конкретных персонажей и в то же время в совокупности отражающими сложнейшее видение феномена страха самим писателем.

Примечания

¹ Риман Ф. Основные формы страха / Пер. с нем. Э. Л. Гушанского. — М.: Алетейа, 1998. — С. 11.

² Михайловский Н.К. Жестокий талант // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 гг. — М.: Книга, 1990.

³ Шайкевич А.Я., Андрищенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. — М.: Языки славянской культуры, 2003.

⁴ Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Homo videns // Слово Достоевского. Сборник статей / Под ред. Ю. Н. Караулова. Институт русского языка РАН. — М., 1996. — С. 160 — 186.

⁵ Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Указ соч. — С. 178 — 179.

⁶ Анненский И.Ф. Господин Прохарчин // Анненский И.Ф. Избранные произведения. — Л., 1988.

⁷ Библейская энциклопедия / Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры. — М., 1990. — С. 678.

⁸ Леонтьев К.Н. О всемирной любви, по поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 гг. — М.: Книга, 1990. — С. 25.

⁹ О знакомстве Достоевского с философской системой Шеллинга см.: Белопольский В.Н. Достоевский и Шеллинг // Белопольский В.Н. Достоевский и философия. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 49.

¹⁰ «Воля Бога состоит в том, чтобы все универсализировать, поднять до единства со светом или сохранить в нем; воля основы — в том, чтобы все

обособить или сделать тварным. Она хочет только неравенства, чтобы равенство стало ощущать себя и ощущаться ею самой. Поэтому воля основы необходимо реагирует на свободу как на нечто сверхтварное и пробуждает в ней желание к тварному, подобно тому как человеку, стоящему на высокой крутой вершине и охваченному головокружением, кажется, будто некий тайный голос призывает его броситься вниз, или, как, согласно древнему сказанию, звучащее из глубины вод чарующее пение сирен увлекает в водоворот того, кто проплывает мимо них» (Шеллинг Ф.В. *Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах* // Шеллинг Ф.В. *Сочинения* / Пер. с нем. М.И. Левиной, А.В. Михайлова. — М.: Мысль, 1998. — С. 992).

¹¹ «Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: “Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею”. Иисус сказал ему: написано также: “не искушай Господа Бога твоего” (Мф. 4: 5—7).